

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK3
P3

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS

JUL 9 1973

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

LXXXVII

О ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ
ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И
НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

СООБЩЕНИЕ

И. С. Некрасова

1892

21.0/2-5

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь *Хр. Лопаревъ.*

Типографія В. С. Балашева. Спб., Екатерининскій каналъ, 80.

О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзіи.

Не рѣдко отъ молодыхъ ученыхъ приходится слышать, что трудно выбрать тему для ученой работы занимающемуся исторіей древней русской литературы. А между тѣмъ въ области нашей древней письменности много такихъ вопросовъ, которые почему-то обходятъ мимо, на которыхъ не останавливаются. Напримѣръ, мы до сихъ поръ не имѣемъ спеціальнаго изслѣдованія о нашихъ древнихъ лѣчебникахъ, травникахъ. Болѣе тридцати лѣтъ назадъ Буслаевымъ указано было на значеніе этихъ памятниковъ нашей древней письменности. На эти лѣчебныя книги или рукописныя лѣчебники нашей древней Руси еще въ 1814 году ссылался Рихтеръ въ своей Исторіи медицины въ Россіи. Въ этомъ сочиненіи, въ главѣ «О домашнихъ лѣкарствахъ употребляемыхъ въ Россіи. Познаніе оныхъ изъ бывшихъ здѣсь прежде въ употребленіи лѣчебниковъ» Рихтеръ приводилъ множество свѣдѣній, заимствованныхъ изъ древне-русскихъ лѣчебниковъ. Онъ имѣлъ подъ руками нѣсколько такихъ рукописей. Нѣкоторыя изъ сихъ рукописей, говоритъ онъ ¹ находятся, при физико-меди-

¹ Рихтеръ: Исторія медицины въ Россіи. Ч. I, стр. 91.

цинскомъ обществѣ здѣшняго (московскаго) университета. Рукописей этого отдѣла нашей древней письменности существуетъ огромное количество. Нѣтъ ни одной библиотеки, оставшейся отъ нашей древней Руси библиотеки болѣе важной, въ которой не было бы этихъ памятниковъ. Мы ихъ встрѣчаемъ и въ такихъ библиотекахъ, какъ Патріаршая или Синодальная. Встрѣчаемъ мы ихъ и въ монастырскихъ библиотекахъ, какова Соловецкая и другія. Мы встрѣчаемъ эти памятники въ Описаніи Румянцовскаго Музея и библиотеки Царскаго. Уже большое число рукописей, большая распространенность ихъ въ древне-русской публикѣ показываетъ намъ, что слѣдуетъ требовать обслѣдованія ихъ отъ занимающихся древне-русской письменностью; съ другой стороны этотъ отдѣлъ памятниковъ можетъ доставлять большой матеріалъ для изслѣдователя, а въ то же время не можетъ подавлять его слишкомъ большимъ количествомъ матеріала, какъ нѣкоторые другіе отдѣлы нашей древней письменности. Мало того, даже сдѣланы нѣкоторыя подготовительныя работы, чтобъ облегчена была разработка этихъ памятниковъ. В. Соколовъ въ 1872 году напечаталъ «Матеріалы для исторіи старинной русской лѣчебной литературы», причемъ довольно подробно описалъ лѣчебникъ московской Синодальной библиотеки подъ № 480, причемъ сообщилъ содержаніе и оглавленіе главъ его и прибавилъ нѣсколько замѣчаній о времени составленія рукописи, объ источникахъ ея, объ языкѣ рукописи. Въ 1880 году проф. Флоринскій издалъ «Русскіе простонародные травники и лѣчебники, собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII вѣка»². Проф. Флоринскій считаетъ, что въ

¹ Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1872 г., № 6.

² Приложение къ Ученымъ Запискамъ Импер. Казан. университета.

числѣ памятниковъ старинной русской литературы не послѣднее мѣсто должны занимать сохранившіеся рукописи медицинскаго содержанія. При этомъ онъ издалъ *Травникъ* и *Прохладный Вертоградъ*, съ нѣкоторыми соображеніями объ ихъ происхожденіи. Въ 1883 году Сырку издалъ отрывокъ малорусскаго простонароднаго, XVII в., лѣчебника-травника ¹, а въ 1890 году покойный профессоръ Потебня напечаталъ замѣтку о малорусскихъ домашнихъ лѣчебникахъ XVIII вѣка. Этими указаніями я имѣю въ виду уяснить, что даже кое что подготовлено къ полному и всестороннему обследованію отдѣла названныхъ памятниковъ. Конечно такое изслѣдованіе требуетъ большаго труда. Но достаточный ли интересъ представить такое изслѣдованіе? Во всякомъ случаѣ гораздо больше историко-литературнаго интереса представлять лѣчебники, чѣмъ масса являющихся за послѣдніе годы работъ, которыя заходятъ въ область исторіи литературы церковной, съ которой не легко и справляться людямъ спеціально не подготовленнымъ. Содержаніе древнерусскихъ лѣчебниковъ было очень широко и разнообразно.

1. Есть лѣчебники, которые начинаются также какъ хронографы, напр.:

Книги сѣи целѣбника именуемоу лечебника начало выпи-
сано ис книгъ ветхаго и новаго завѣта и свѣтыхъ ѡцъ како
сотвори Бгъ свѣтъ и ѡбо и землю і вся яже на всей вселѣн-
ней былии травное и насади я и дрѣвеса плодовиата и
многолиственнаа сияюще цвѣты разными и всякою добро-
тою бесчисленною исполнено и солнце и мѣсяцъ и звѣзды и

¹ Филологич. Записки 1888 г. № 1. Проф. Сырку обѣщаетъ подробный разборъ этого травника.

ѿ воды киты великія и всяку дшѹ животныхъ гѧ и птицѹ и звѣри и скоты и члвкы и моря и рѣки и источники наполющія все лице земное и вся сія на всей вселѣнней покоря Бгъ члвку и ничтоже ѿмѣтно остави и свѣтлыми апостолы и свѣтлыми ѿцы пакы ѿ тѣхъ подтверждено божественными писаниі также и книгѹ философскихъ и дохтурскихъ и лекарскихъ которыя лѣкарства пристойны ко врачеванію ото всякѣ болѣзнѣ чловѣческиѹ яже о томъ писано ниже сего. Видите вѣтхаго завѣта именуемоу Библии сказаніе иже во свѣтлыхъ ѿца нашего Епифанія архіепока Кипрскаго о зачатѣ сѣми днѣи изобразано ото многихъ лѣтописцовъ и ѿ бытіи о сотвореніи мира и ѿ протчихъ кнѣгъ монѣшевыхъ и ѿ исуса навина и ѿ судѣи иудѣискихъ и ѿ четырехъ цѣствъ и ѿ ассириискихъ цѣрей и ѿ александриі и ѿ римскихъ цѣрей Елліянь же и благочестивыхъ и ѿ русскихъ и ѿ Сербскихъ и болгарскихъ лѣтописцовъ. Первое начинаемъ з богомъ о шести днѣхъ, иже сотвори Бгъ всю тварь, якоже рече Давидъ словесемъ гднимъ нбса утвердишася дхомъ усть его і вся сила ихъ ѿ премѣдра мѣсѣя и ѿ севериана епока гевѣскаго. Начало первѣ днѣи. Вначалѣ Бгъ сотвори мирозидительнымъ своимъ словомъ нбо бѣвѣздное бесчисленною добротою сияющее лучами божественными снѣ рѣчь не сие видимое но превыщшее нбо якоже Давидъ глаголетъ нбо нбси гдѣви и землю всепитателницу земля же бѣ невидима и неукрашена и тмы верхѣ бѣдны и дхъ Бжи ношашеся верху воды не ѿ свѣтлымъ же Духѣмъ глаголетъ здѣ ибо не считаетъ я съ тварию созданною, но Духъ наричетъ аерное пѣвижное и рече Богъ да будетъ свѣтъ свѣтуже вѣсіявшу и повсюду пролиившуся и нарече Богъ свѣтъ днѣи а тму нарече ноцъ отъ сихъ убо претече первый днѣи.

Иже во сѣтыхъ оца ишего Епифанія Кипрскаго о первомъ дни. Въ первый день сотвори Богъ нбса горнія и землю ѿ нѣже стихи есть ледъ снѣгъ и мрази и роса. Дѣхи и служащая предъ нимъ иже суть се англи предъ лицомъ его и англи славѣ англи вѣтръ дыхающие англи бури снѣга и града и снѣга и леда и англи гласовъ и громовъ и молніи, англи мрза и зимы и іесени и пролѣтя и жатвь і всѣхъ дѣховъ и тварей сущихъ на нбси и на земли сотвори бездушныя по землею и по преисподними сотвори тму яже на бездною во бывшихъ древле верху земли изъ нея же бысть вечеръ и ноцъ сотвори свѣтъ дню же и утренни снѣ сѣмъ дѣль великихъ сотвори Бгъ въ первый день. Начало в дни.

Во второй день рече Богъ да будетъ твердь посреди воды и да будетъ раздѣляюще посреди воды и сотвори нбо сіе, а не горнеѣ, но видимое отъ воды сгустивъ е яко лѣ и нарече твердь снѣ рѣчь нбо и воздвиже половину ѿ вод горѣ и учини на твердию а половину остави. І паки всепремудры Бгъ въ третіи день сотвори моря и рѣки и источники и езера совокупивъ воды во едино совокупленіе и бысть суша и явися лице земное и красота возсия каменію и горамъ и бродомъ глубокодолнимъ от сего убо состав водны море нарече, сушное же естество землю хитрець нарече Бгъ вседѣтель и еще не возсіявшу солнцу многоразличному былію повелѣ прозябнути ово убо на сладость и красоту токмо очима ово и живопитанно и сущимъ на земли потребно тогда первие красотаи земля украси якоже шар многоразличныи всюду сияше бо кринѣ многообразныи бяхъ и галиди и акиндѣ восхождаше бѣше на вышнѣ доброту возрастахъ класи отягчены пшеницею бѣше просо муролитвенно стеблиемъ колеблемо добра вся и красна рас

простерта бѣ трава мягка зеленащеса и говада кормяще и коня питающія и волове росная пажить таковѣ красотѣ преиспещренѣ земля ношаше прозябахѣ и дресва добродлиственна и множество садовія и доброцвѣтуща и овоще носна явѣ бяхѣ и яблока доброрастныи и доброгладныи ихъ стебель масличныи и тукотчныи и ѡслаждающія смовви тополие толстостебленное емя дубіа брестіе преложися нѣкиі вѣтрѣ тополивѣ листвию и сладокѣ шепеть творяше гзобѣ и черешниа добрая и ѡникѣ медвяныи и гроздая мати винограда и состави лознии и гроздь мѣточащія растяше на лозахѣ и все совершенна и плодна и одорованна привѣрено бысть в нихъ же бо заде свѣтъ дня третіяго. Начало дне четвертаго. Восияваше же лице четвертаго дне паки повелѣніемъ зиждителевымъ первое возсия звѣнца дневная великое свѣтило солнце и живопитателныи свѣтилныи источникъ свѣта неиздаемыи, домъ огня бездровнаго тогда первѣе начеть свѣтити ноцѣ лунныи и бѣлосвѣтлыи и свѣтоносныи крѣгъ скоро обходныи и всесвѣтлыи и многорозличныи и совершенныи тогда нбо звѣздами просвѣтися тако одежда златотканная бисеромъ обнизана и ѡкрашена якоже каменемъ доброкруглымъ и великими звѣздами таковая убо нѣкая пестрота цвѣтная нбо украшаше сотвори же Бгъ солнце и лѣнѣ и звѣзды ѡ сотвореннаго свѣта в первыи день тамо ѡбо вещественное свѣта содѣлавъ здѣ же свѣтило сотвори якоже аще кто ѡкругъ злата преложив и посемъ на златники иссѣкъ великия же и малыя сяде расчинитъ златнѣю красотѣ тако и свѣтъ единосущевъ и единовиденъ разсѣцающа хитрець раздѣли всепремудрыи Богъ вѣ солнцѣ и в лѣнѣ и звѣзды в сихъ ѡбо прѣде четвертыи день. Пишетъ же индѣ яко в четвертыи день диаволъ ѡпал видѣвъ землю ѡкра-

шеннѸ и рече поставлю на облацехъ престол мѸ и бѸдѸ подобенъ вышнемѸ. О пятомъ дни. Животно же ни едино живяше на земляныхъ широтахъ ни по водѸ плывуще ни по сѸхѸ ходящее ниже по аеру летающее но всесовершенныи БгѸ рече да изведѸ воды киты великия и рыбы и всякѸ лшѸ животныхъ гѸ и всякѸ птицѸ пернатѸ породу и абие водное естество крѣпость пріятѸ одшевленную и силѸ рожественнѸю живы дѸа бѸдѸ произвед и якоже сѸмя Бжїе повелѣнїи сплѸши водосточныя стрѸи творяше многоплодныхъ бѸ нихъ же вскорѸ произыдоша простокрилнии и аерополнии птица имѣяхѸ свободно перо на летание борзая и легце возпышахѸся к ширинамъ воздѸшнымъ овиѸ Ѹбо великокрылнии и великобедриѸ и клювонохтиѸ яко стрѣлы и нохты протяжуще остро клювы имѸще паче ножевѸ иже птицамъ владѸщиѸ орел и ястребы сѸрвогладцы имѸ же хотяше снѣд мяса быти бѸ сего птицы песнївыя и былия гадѸщая мали пернемѸ и хѸды телесы различно возглашахѸ дроздове, славїе бреханїе синїповѸ, скворцы и всяка птица и всяко ползѸщее елико въ водахъ живеть и в дубравахъ и в горахъ толикии животными пучины водныя и земляную сѸшѸ исполнївъ аерѸ яко градѸ твердонырныи распространивъ плотоснѣднїмѸ птицамѸ и былия ядущїмѸ в сїхъ совершїся теченїе пятаго дни. Начало шестѸ дни. В шестыи же паки обливоваше всепремудрыи зїдїтель рече да изведеть земля лшѸ живѸ породу четвероногая и гады земли звѣри и скоты. Рѣче же гдѸ сотворимѸ члѸка по обрѸзу ншѸемѸ и по подобїю и вседѣтельныма дланма взем персть бѸ земли и сотвори члѸвка по образу Бжїю сотвори ею мѸжа и женѸ и сотвори в днѸ шестыи вся дела своя. И препочи в днѸ седмыи ото всѣхъ дѣлъ своихъ и благослови БогѸ день седмыи обѣти его яко в тѸ почи бѸ дѣлѸ

своихъ. Ш раи и о рекахъ и о моряхъ. В шести же день сотвори Бгъ раи на востоцъ въ едеме не мотыками роскопа ни разоравъ добротъ прекрасныя земли ниже дланми насадительными но словомъ единѣмъ и древо всяко прозябаше доброплодно тамъ добросѣнно листовенно добровѣтвенно и сладкоуханно и кто ѹбо добротъ едемскѹю предъ лицомъ представить шво ѹбо стебля садовиямъ бяху оwoщеноснымъ ово же множество древесъ благуханныхъ и присноцвѣтущихъ ово медоточная прозабахъ швошия шво же на красоту израстахъ нѣсемъ точная высотой древеся емшися водамъ питаемая и островерхое елие превысокая тополия и кипарисия и брестия листовие сражахъся вкѹпѣ древния листовия мѣшахъ тебляя другъ со другомъ сплетенми любезнѣишими солнцъ же возсиявшъ и к садовию приближающъся сметаше долу тихолиственіе ихъ. Елико-же частіа отверзашеся листовію во-сиявшу толикомъ доброты и криномъ свѣтящеся бѣлость небодливаж и безземная шипцы они елико богро и бѣло-зрачно в нихъ яко звѣзда луча испѣщающіи и сияюще ѵ земля земное лице зеленашеся пестрозрачными травы ово же мѣдряшеся росокапленными цвѣтovy и многоразличными добро-зрачныи зефиръ тиходыхательныи подыховши ѵ всюдъ и цвѣт-ными вонями наполняше воздухъ. С) древе разѣмнѣмъ и ш рекахъ. По среди же сихъ древо животное прозабе блгодатми цвѣтѣщее добролиственное и краснодревнее иже имать источникъ ѵ долъ истецаше среди есть великая океян река и добросадіе едемское напояше село и садовное обтецаше кореніе и отросли и цвѣтная мяккая поквашаше стеблие ѹтѣдѣже на четыре части раздѣляющіся и бываетъ мати рѣкамъ великолиственнымъ рекѣ они нарицахъся гласомъ сирскимъ имя единой еисіонъ, сія обходитъ всю землю

евилацкую. вторѣи Геон сиа обходить всю землю ефиопскую река же третия Тигрь сиа идѹщи прямо Асириемъ, река же четвертая Ефратъ не точию же таковыя реки напояхѹ лице земное но великая река и ѡзера и источники ихъ же сотвори Бѣ въ третей днѣ проходахѹ и окрѹжахѹ землю и напояхѹ. ѡ четырехъ великихъ моряхъ. Первое море великое начинается ѡ члѣкѣ имѹщихъ песия главы и переходитъ египеть и раздѣляетъ индїю и простирается ко островомѣ окиана иже исходитъ изъ рая на томъ бо мѣстѣ имать окианъ острова вширинѹ же его нарицаеть же ся сие море египетское чермное занеже есть оногѣ моря персть чермна сего ради и вода видится чермна а естествомѣ иѣсть чермна но подобна всѣмъ водамъ. ѡ второмѣ мори. Второе море есть во Алезандрїи иже простирается до Сицилиї и сравняется с третнемъ моремъ смѣшается. ѡ третнем мори. Сие же третие море простирается к калаври и асматїскимъ горамъ иже и асмане наричюся тамо живѹщїи и обращаяся море сие вгнеждается среди гадирскихъ горъ и тако распространяется смѣшаяся с окианомъ иже исходитъ изъ рая главнѣшее бо сие море паче ииѣхъ моръ занежѣ гадарския горы соль сѣтъ а сие море проходитъ посреди ихъ и соль большую приемлетъ. ѡ четвертомъ мори. Четвертое море идетъ ѡ сиракѹз на сѣверъ и обходить асию и аланию и распространяется к полѹнощномѹ обходѹ до видахтїиска гѣсноты. Пятое же море евѣинъ повтѣ понеже ѡ четвертаго моря препондидою входитъ по немъ же шествїе к перскимъ странамъ по таковымъ убо великимъ морямъ шествѹюще ѡ страны ѹвъ странѹ корабленици повѣдають всяка чѹдеса всесилнаго Бога содѣвающе малыи животными малая убо рыба глѣхѣ ехинїи тако ставит великїи корабль

и держитъ яко не постѹпитъ емѹ долго никакоже дондежѹ норцы брѣжѹтъ ея ѿ два корабля також и морскіи ехавѹ малыи тѹ живеть ѹвѣсть егда хоцеть бѹри быти тѹ на камень великъ и твердѹ вшедѹ яко на анкирѹ и тѣмъ велми зыблетъ яко волнамъ его неѹдобъ облещи егда сѹя ѹзрят корабленици ѿ сего познавають бурю ветреннюю хотящю быти и спешитъ к приставищѹ, також акнонъ есть морская птица гнѣздо творитъ у моря на самомъ песчѣ яйца рождающи въ морѹ среди зимы многия же бѹри и вѣтри тогда престанѹтъ и ѹтишатся волны морския семь дней и егда анкияннѹ сидитъ в седмы бо день изводитъ птица кормитъ же другия семь дней корабленицѹж стоять и нарицають сѹя дни анкивницкѹя. Рай его же насади Богъ на востоцѣ яко быти третиеи части до нѣсе высота его и всяческими добротами украси его и паче всего свѣта бжественною бжодатию сѹя краснымъ садовнемъ и плоды сладкими и блгоѹханне исполняемъ иже не можетъ члвкъ изрѣщи. Глѹю же яко птица добропѣснѹва тамо обрѣтаются убо на сѣ землѣ на время птица глѣмая Асиринѹ, его же нарицаютъ рѹскаѹ птица толико же бѣ пѣсни его сладость егда ѹслышитъ тою члвкъ поюща забываетъ вся сущая здѣ и вслѣдѣ его шествѹетъ дондеже падъ умретъ и ѿ сего одинаго бжественнаго рая и якоже члвкъ созданъ бысть посреди тѹя и нетлѣннѹя сѹце и тѹ ниже ѹбо бысть конечно нетлѣненъ ниже паки тлѣненъ но присно всегдѹ исполненъ плодовъ бываетъ овы цвѣтѹще овы зрѣюще и ина созрѣвши ѹбо плоды на землю падають и изгнивають же не смердятъ но персть блгоѹханна бываетъ исходящѹя же река окианѹ ѿ рая и раздѣлися въ четыре начала персть ѹбо шнѹ блгоѹханнѹю индианомъ и ефиопомъ приносятъ по нивамъ и ораниемъ оставляетъ, таковыми убо бжодатми

украши творецъ и зиждитель и всяческими добротами уяснивъ бжественнаго немощно есть исповѣдати члвкѣ словомъ ни вещемъ приподобити ни слухомъ вмѣстити в таковая Ѹбо блгая вводитъ Адама его же сотвори и вселяетъ въ едемствѣмъ добросаднемъ селѣ яко же вчертозѣ бисер драгнѣи в мирѣ мрамори убо видѣниемъ почестию же лѣтче велми и ѿ мира приведе же ко адамѣ всяко животнѣ на земли ходящее и по въздухѣ парящее яко да прииметъ имена ѿ него къ естествомъ приличная приводящеса левъ зияющей и юнцемъ губитель медвѣди грозно шчи препестри пардѣси елене пестрокожнѣи и частопахия лисици елѣфантонѣ твердочелый и юнецъ рогобовый и яребица черныя нозѣ имѣще скворцы четверопернѣи чревы простирахѣ и блесковы нѣкия бѣлости ношахѣ пав златокрылнѣи сияше пестротами многими и златящеса френомъ и цвѣташе злато посреди яко сияюще и яко вертограда цвѣтѣщѣ первѣе украшахѣ животное обстѣпахѣ вся адама яво влѣкѣ раби и окрѣжахѣ и охаповахѣ родоначалника онѣ же осязаше рѣкама неукротимыя яко новородныя и младыя агнца млеко ядѣщяя и еже ѿ сихъ ни мало небоящеса напасти лютая бо и лѣкавая и злотворивая злоба единаче не вселилася бы в срдце его сице ничесо же на безстраствѣю дшѣ похвалится ни звѣрь ни огонь, ни рѣки великомѣтныя дерзость. Аще воцаришася над страстми, аще грѣхомъ обладаемы и на василиски лютыя и на скорпия настѣпиши и смириши лва и тигра Ѹкротити. С) созданиі Евы и о изгнаніи Адама. Адамѣ же не обрѣтеса помощникъ и вложи Бгъ сонѣ во адама и успе горкимъ сномъ начаткомъ низверженію и вся губительныя вражды коснѣжеса сего ребрѣ спящѣ зиждитель и взять его созда ѿ сего женѣ адамѣ же перстию созданныи и первыи в члвцѣхъ евѣвѣ всѣхъ мти бысть ребромъ оцѣ внѣтръ пишнаго села живяста

шба яко бесплотны не имѹще попеченія любовещныхъ якоже не обложена плотскою всячески тяготою вѹпѣ же. Паки самъ Богъ законъ полагаше гл҃а о земнородная и едема сего первожителя вся сивши приведена быша потребѣ вашей наслаждение всякое древо ѹготовися ѿ всѣхъ ѹбо насыщѣтесе сеже токмо на пакость вашѹ разумное древо ѿ сего бѣгѣте и сему единомѹ не коснѣтася притковѹтїе бо приносит тлю и желчь прелѣсти вѹшнїе. аще бо сего токмо вѹсїта падениемъ падета велми горко бо овозие износить и смерть прозябаеть. Аще ли ѿ сего сохранитесе избѣгнете жала смертнаго и пространство налѣжите живота вѣчнаго сїа же слышавше ѹбоавшеса родоначалницы и прещениемъ сотрясахѹся и устрашистася гласа и садъ яко враждебнѣ ѿ дѹша ненавиде тако сатана завидяше и скрежеташе зубы яко пѣны точащи и яряшеса яко дивнї козель видѣти нетерпяше ихъ живѹщихъ яко а҃н҃гли и ѹбо свое злокознство змїа злокоснаго и строптиваго обрѣтаеть прелсти праматерь и показа еи овозие видѣ же она плодъ и бяше плодъ красенъ и радостенъ бѣ видѣнїемъ и добръ въ снѣдъ пребл҃внѣшеса взоромъ и привлагашася сердцемъ мнѣше сладко сердцемъ и сладко желаниемъ паляще показа сего сатана и прелсти є чашѹ показоваше ѹслажаемѹ медомъ прелестнымъ приползѣже змїи люты свисташе лѹкавне. аще бо вѹсїте рече ѿ сего доброплоднаго древа аще токмо принесете ко ѹстамъ овозие ѿверзѹтсѣ вѣжди очима вашима и бѹдете боги и разумѣете вся ѹслыша же сїе жена и ѿ ласканиа повинѹсѣа услажающему присно и вѹсїи дасть свпрѣгѹ ядоста оба ѿ плода и причастистасѣа овозию преслѹшаста заповѣдъ и снѣдоста ѿ древа и при ногѹ има послѣдоваша ѿверзоста очи я и видѣста стѹд свои познаста же наготѹ свою и сра-

ѿмотъ тѣмъ прикрѣстася во глѣбосѣнная и ѹдалися и под-
 бѣгоста под частая и многая дрѣвеса спѣста себѣ препоя-
 сання листовенная ѿ дебѣлыхъ листов подсадовниа подбѣгоста
 и притекоста под кров бѣ зинути на нихъ земли молиастася
 широкими ѹсты, разѹмѣ же сѣя Богъ иже насадитель до-
 бросадныхъ дрѣв и предста и тѹжане родоначалникомъ поноси
 неразѹмие и досади прелести ихъ и рече Богъ се адамъ
 бысть яко единъ ѿ насъ еже видѣ добро и зло здѣ яви есть
 яко трисоставно бо Бжество ибо первѣе хотя создати члѣвка
 по образѹ иишемъ к ней же рече се адамъ бысть яко единъ
 ѿ насъ еже видѣти добро и зло занѣ когда прострет рѹкъ
 и возмет ѿ дрѣва жизни и снѣсть живъ бѹдетъ во вѣки и
 облече ѿ Бгъ в ризы кожныя и изгна я изъ рая и ѹмѣчи трѹд-
 ными и тяжкими дѣлы земли живоцитательницы запрети из-
 нести терние бодѹще ихъ игложе остробосно болѣзани на
 нее лютыя и трѹдородныя на евѹ праматерь первѣе по-
 страдавшѹю и постави Бгъ херѹвимъ с пламеннымъ орѹжиемъ
 стрещи врата райская. Вселижеса адамъ прямопищному
 селу и позна евѹ пристраннѣ и роди кайна и потом авеля
 и кайнъ ѹбо араниемъ полесскимъ внимаше авелже юнѣишии
 пастыръ бѣ, принесоста же оба начатки трѹдовъ своихъ и ѹбо
 авелевы дары приать Бгъ яко ѿ первыхъ принесшѹ вправѣ и
 ѹгодившу дароносиемъ же кайновымъ не внят яко не ѿ пер-
 выхъ направѣ принесшѹ ѿ сего ѹбо опѹстѣ лице кайново на
 авели взираше очима братоненавистныма и на ничто же
 озлобившаго мысляше возложити длани ѹбивственныя оле
 бесчеловѣчнаго разѹма его же и звѣрие боится сотворити
 ѹбивает ѹбо брата и ѿдаеть смертнымъ нѣдромъ гнѣвно же
 возрѣ Бгъ на братоѹбицѣ и седми клятвами обложн его
 лютыми изгна ѿ лица своего роди же адамъ дщери двѣ Исзахъ

и Ѹсаимъ каинъ же поять себѣ женѣ сестрѣ свою первѣю
 Іизахъ изыдѣ ѡ лица Бѣіа и вселися в землю наидъ прямо
 едем и Ѹмысли первѣе грады здати и роди еноса и бѣ зи-
 жда град во имя его и множишася родѣ члѣческомѣ начаша
 разбои творити и оскверняхѣ же рѣцѣ и землю Ѹбивствен-
 ными кровми. О сифѣ и ѡ грамотахѣ. Да не якоже Ѹбо и
 мѣста неѸтѣшенъ плачь родѣначалника ѡ длани Ѹбивственныя
 авеля погибша сифа онаг праведнаг дарова имѣ Бѣгъ иже
 поять себѣ в женѣ вторѣю сестрѣ свою ИѸсѣанѣ сифѣ же
 перве написав сложеніе словесемѣ жидовскимѣ язѣкомъ и
 знаменія нѣбная лѣнное теченіе и лѣта в лѣта положи че-
 тыре времена и мѣцы и нѣдѣи и звѣздамъ сотвори имена и паки
 великимъ звѣздамъ нарекова имена первы поясъ сирѣчь вели-
 кая звѣзда крона ѡ тверди снѣ рѣчь ѡ сего нѣсе и до пояса
 крона безмѣрная высота не имѣя ничего разѣве воздѣхъ иже
 нарицается еерѣ вторыи поясъ дивѣсь третіи ореосѣ четвер-
 тыи афродистѣ шестыи ермиосѣ седмыи лѣна на сѣмомъ поя-
 сѣ стоит лѣна а на всѣхъ поясахъ ангѣли стоят и по поя-
 сомъ звѣзды свѣтлы сут солнце стоит на востоце а лѣна на
 западе пятнадцатъ днѣю совершена в четвертыи днѣ сотво-
 рена лѣна солнце поидет по южнымъ странамъ на западъ
 а лѣна по сѣверной странѣ на востокъ на ту ноцъ почала
 Ѹбывать приять лѣна послѣ солнца внѣ твари единнадцатъ
 днѣ не бытиемъ но сияниемъ в тѣхъ же днѣхъ в третие лѣто
 собирается лѣна влажная третия надесят в томъ же кругѣ на-
 родится новыи мѣцъ и положи Бѣгъ в лѣнѣ часомъ и днѣмъ зна-
 менія потребная на дѣла симъ вся сифѣ ѡ Бѣга дается ра-
 зѣмѣ Ѹвѣдѣти его же нарекова тогдашнѣи члѣцы блѣгчестію его
 чюдѣшася зане имяше еврейскѣю грамотѣ тѣ и нѣсное тече-
 ніе и звѣздамъ имена и его ради Сифовы и еносовы отроци

сїнове Бїїи нарицахѹся и вхождахѹ ко дщерам каиновым и родиша имъ гиганты еже есть исполини превелики ѹбо ради Сифа крѣпци и велики севернаго же ради Каина лѹкаваі и силниі сим ѹбо сифовымъ внѹкам проповѣдано бысть свыше хотящая быти гибель члѣкамъ и сотвориша два столпа единъ камень а дрѹгнї глинянъ написаша же на нихъ аже ѿ дѣда своего Сифа слышаша знаменїя небная и лѣта и времена и мѣцы и вѣдїи и имя сифово и чадь его и звѣздам имя на дсцѣ камяне и глиняне и ѹтвердиша на сѣлпѣ глѣше аще ѿ воды вес миръ погибнет каменныя останутся аще же ѿ огня то глиняны пребѹдет имѣ же написано на нем.

Далѣе идетъ о родословіи, что совершенно сходно съ лѣтописцемъ¹ до потопа. Далѣе идетъ рассказъ о потопѣ.

Ное же бывъ ф. лѣтъ и роди три сыны сима хама и Афета и егда ѹмножишася члѣцы и родишася имъ исполины мѹжие имениты и ѹмножишася злобы члѣкомъ. Ное же единъ в сифовыхъ внуцѣхъ праведенъ сы девятыи ѿ семене адамова иже добродѣтель проходя и злобѹ ѿ дїи возненавидѣ и злотворивыя члѣцы невозможе уцѣломѹдрити преселникъ бысть ѿ своея земли повелѣ же емѹ Бгъ створити ковчегъ и животно всяко в немъ затворити да бѹдетъ сѣмя и оживление роду створяеть ѹбо ковчегъ ѿ древ негниющихъ а лакоть вдолинѹ а л лакоть в высотѹ тмѹ в себѣ предградъ плѣтныхъ имѹщѹ в нидеже в ковчегъ самъ и жена его и сїнове его Симъ, Хамъ, Іафетъ и жнїи сїнов его птицы и звѣри и гады по роду ѿ чистыхъ семь семь а ѿ нечистыхъ двое двое, Бгъ же хляби нѣсныя ѿврзе вся ѿ тѹды изведъ моря покры вся верхи

¹ Т.-е. съ хронографомъ.

великодолина горъ и скры все лице земное и слице невидимо бысть и свѣтъ¹ первородная пакы обдержаше тма бездна и звѣрие ѿбо носими блхѣ² мертвиі потоплени члѣкъ же земнородныхъ всеродъ началниі потопишася и телеса ихъ яко корабль паче же яко прахъ на водныхъ плещяхъ легко ношахѣся и всяко создание потребися и нача ѿбывати вода по рн дни и сѣд ковчегъ мѣа седмаго в кз на горахъ араратскихъ.

Я привелъ этотъ большой отрывокъ изъ памятника для указанія того, что есть списки лѣчебниковъ со введеніемъ, имѣющимъ соотношеніе съ хронографомъ или еллинскимъ лѣтописцемъ.

2. Эти травники и лѣчебники представляютъ намъ вѣру въ чудесную силу травъ и заговоровъ, что близко стоитъ къ памяникамъ народнаго творчества, къ поэтическимъ воззрѣніямъ народной поэзіи. Въ нѣкоторыхъ лѣчебникахъ, напр., говорится, что у кого идетъ горломъ кровь, написать того имя на бумагѣ, и перестанетъ и мирно да приидетъ судія всей вселенней и нинѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь, и оттого кровь уймется. Если человѣкъ бѣсится, то лѣчебники совѣтуютъ привязывать ему извѣстной травы ко кресту. Въ травникахъ мы встрѣчаемъ, напр., свѣдѣнія о травѣ Адамова голова, которую рвать нужно съ крестомъ господнимъ и молитвами, «а кто хочеть днавола видѣть или еретика и тотъ корень возми водою освяти и положи на престолъ и незамай 40 дней и тѣ дни пройдутъ носи при себѣ—узриши воданыхъ и воздушныхъ демоновъ»¹. Кто носить при себѣ траву По-стрѣль, дьяволъ бѣжитъ отъ того человѣка². Нося при себѣ

¹ Флоринскій: Русскіе протонародные травники и лѣчебники, стр. 4.

² Ibid., стр. 7.

граву Попугай гдѣ хочешь проси денегъ или хлѣба, аще мужеска пола (у кого просишь) положи на правую сторону пазухи, аще женска пола на—лѣвую. А ежели скоморохи играютъ кивь имъ подѣ ноги и они передерутся»¹. Трава Ряска добро положить въ головы женѣ и она скажетъ что было съ ней добро или зло, а положить надобно въ сихъ числахъ 19, 20, 25². Есть трава Сава. Страшна бо та трава! Когда человекъ найдетъ на нее въ полѣ или въ лѣсѣ то умомъ смятется. Аще кто украдетъ поворотится отъ него, только положи въ слѣдъ³. Носи съ собою траву Царевы очи аще который человекъ хочетъ на пиръ идти не боится еретика, а кто хочетъ жениться, держи при себѣ—ласковое житие будетъ⁴. Наши древніе русскіе лѣчебники рекомендуютъ много такихъ средствъ, которыя мы теперь называемъ симпатическими, напр., очи медвѣжьи вылупленныя, привязанныя на лѣвое плечо—удаляютъ четырехдневную трясавицу; вѣнокъ изъ травы, положенный на голову, унимаетъ кровь; зажженная свѣча, поставленная на больной зубъ—удаляетъ отъ него боль; если у кого выпалъ зубъ, то нужно его бросить на печь, приговаривая: «мышка, мышка, на тебѣ жиленый, дай мнѣ костяной». Трава Синеворотъ считается средствомъ отъ смертнаго часа. Кого бьютъ на правожѣ, то травою борщъ парить ноги по вся дни доколѣ бьютъ, и ноги оттого будутъ цѣлы. Носить при себѣ плакунъ траву, чтобы спать въ лѣсу, быть покойнымъ на морѣ, рѣкахъ и прудахъ. Приложенное къ женѣ сердце свиное за-

¹ Флорьяскій, *ibid.*, 7.

² *Ibid.*, 8.

³ *Ibid.*, 9.

⁴ *Ibid.*, 11.

ставляет ее все на себя сказать. Лѣчебники много оставиваются въ этомъ отношеніи на мужѣ и женѣ. Отъ мудрости Аѳинскихъ мудрецовъ взято—«въ первой степени солнца возьми кожу съ мужа своего и пепель на крестъ, и безъ печали непріатели погибнуть»; если жена посыплетъ пепломъ галгана, то мужъ будетъ слушать; если положить магнитъ вѣрной женѣ, то сквозь сонъ мужа обойметъ, а которая отъ мужа блудитъ, то съ постели слетитъ; давать женѣ воробьевое сердце ѣсть, если бѣгаетъ отъ мужа; король Давидъ, аще будетъ подъ смоковницей нѣкогда пася стадо воззрѣлъ на нѣкоторую невѣсту тяжку отъ великія немощи и смилуясь ей просилъ у Бога, съ котораго бы лѣкарства уздравлена была, тогда Ангелъ Божій указалъ ей возьми дубовую омелу и вложи въ перстень на правую руку, чтобы до голаго тѣла не дотыкалось, отъ той немощи и мы здравы будемъ, кто бы тотъ перстень носилъ.

3. Лѣчебники заключаютъ въ себѣ много традиціоннаго, перешедшаго въ нихъ или сохранившагося въ нихъ отъ древности. Таково напр. лѣченье глазъ желчью разныхъ животныхъ: пѣтуха, собаки, вороны, зайца, медвѣдя, съ указаньемъ на примѣръ библейскаго Товіи вылѣчившагося желчью¹. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя средства относятся къ очень раннему времени человѣчества. Къ числу подобныхъ средствъ принадлежатъ разные драгоцѣнные камни, которымъ въ поэзи и вѣрованіяхъ Востока было отведено широкое поле дѣятельности. Таково значеніе драгоцѣнныхъ камней во многихъ древнихъ русскихъ сказкахъ, которыя своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ обязаны Востоку. Такъ, въ лѣчебникахъ

¹ Въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ для исцѣленія слѣпыхъ достаютъ печень зеленого царя.

предлагаются совѣты носить при себѣ камни: лазоревый яхонтъ—отъ нечистоты глазъ, червленый яхонтъ—для укрощенія сердца, лалъ—противъ мороваго повѣтрія, изумрудъ—отъ прокаженія, орловъ камень—для легкихъ родовъ. «Серапіонъ мудрецъ пишетъ, что этотъ камень вносятъ орлы себѣ въ гнѣздо и полагаютъ его подъ самками и тогда дѣти его вылупляются безъ болѣзни, а родильницамъ его привязываютъ къ лѣвой сторонѣ, тогда легостно родить». Лѣчебники учатъ, что зажженный агатъ помогаетъ отъ падучей болѣзни; сохраняетъ отъ болѣзней, если часто смотрѣть на изумрудъ; щука имѣетъ камень въ головѣ подобенъ хрусталу, кто ее вареную ѣстъ—облегченіе въ проходѣ творить; кто носитъ при себѣ курячій камень—того никто не можетъ одолѣть; носящій бирюзу—не можетъ убіенъ быть. Всѣ указанныя нами симпатическія средства при помощи камней и металловъ могутъ представить интересный матеріалъ для сличенія ихъ съ значеніемъ камней въ восточныхъ сказаніяхъ.

4. Въ лѣчебникахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ вопросовъ хозяйственныхъ, много разнообразныхъ совѣтовъ для стола разныхъ кушаньевъ отчасти при болѣзняхъ, отчасти вообще для употребленія. Наши древнія лѣчебныя рукописи говорятъ, что траву прострѣль нужно класть подъ углы, подъ нижнее бревно; кто въ великій четвергъ обкурить селезенкой весь свой домъ со скотомъ и тотъ скотъ его не рушится отъ падежа; можно приучить звѣря давъ ему одолѣнь траву; нужно привязать къ гривѣ коня чертополохъ, если что мучаетъ коня; торговому человѣку и кто хочетъ быть богатъ, нужно держать траву Осеть, если приложить къ замку траву бѣль, то онъ отопрется; къ благополучію живутъ въ домѣ голуби и тараканы, къ несчастію прусаки. Точно также лѣчебники

представляют намъ сказаніе о добрыхъ и злыхъ дняхъ, о томъ, въ который день что можно дѣлать и чего нельзя, о планетахъ и вліяніи ихъ на человѣка, нѣсколько календарныхъ предсказаній, напр., если Рождество Христово въ недѣлю, то и весна хорошая, и лѣто сухо, и раствореніе плодовъ. Такимъ образомъ лѣчебники совмѣщаютъ въ себѣ ту массу разныхъ свѣдѣній, которыя пошли въ народъ и распространились потомъ въ календаряхъ, какъ знаменитомъ Брюса, то въ гадальныхъ и другихъ книгахъ народныхъ. Ясно отсюда, что и эти отдѣлы древне-русскаго лѣчебника могутъ доставить немало интереснаго матеріала для изслѣдователя.

5. Травники и лѣчебники могутъ доставить огромный матеріалъ для составленія словарей названій растений, большая часть которыхъ представляютъ русскія народныя, равно какъ и для словаря названій болѣзней, изъ которыхъ большинство имѣетъ также русскія народныя названія. Я не говорю уже объ особенностяхъ языка вообще, выразившихся вслѣдствіе перевода этихъ памятниковъ съ нѣмецкаго и польскаго языка¹. Если мы цѣнимъ изученіе переводныхъ книгъ XVIII вѣка для исторіи языка, то тѣмъ цѣннѣе эти переводныя рукописи XVII вѣка. Мы имѣли въ виду только указать, какъ много литературнаго элемента можно извлечь изъ древнерусскихъ лѣчебниковъ, просмотрѣвъ большую часть рукописей, опредѣливъ ихъ редакцію, происхожденіе, сопоставивъ съ другими памятниками литературы и поэзіи. Въ заключеніе о данномъ вопросѣ приведу введеніе къ лѣчебнику Синод. библ. № 481: ѿ никоіскихъ правъ слово. Врачебное хѹдожество і въ мирскихъ и во инокѣхъ нѣсть

¹ Въ лѣчебникахъ много греческихъ словъ, а въ фармакопей гр. Уварова, № 312, много итальянскихъ.

бметно. Святѣи ефрем глет глаголемнѣи врачевѣи прилежно
испыташа кореннѣи и образ быліем и в писаніи преда. І се
смотренне божіе непщѣю но оутѣшеніе болящихъ послати.
Вопрос св. Варсанофія. Братъ вопросы великаго Варсанофія
гдѣ добро ли есть творити врачевная хитрость или ни.
бвѣтъ. Повеже некрѣи идохомъ всовершенство тако совершенъ
не пременитсѣ ѿ плененія страстнаго оуне есть паче
поучатисѣ во врачевныхъ а не во страстныхъ но не должны
есми на тѣ имѣти надежду но на Ѹмерщвляющаго и ожи-
вляющаго Бга».

Не на одни лѣчебники, а на много памятниковъ нашей
письменности можно указать какъ на такіе предметы ученой
разработки, которые могутъ расширить исторію нашей свѣтской
литературы.

Наряду съ другими памятниками нашей древней лите-
ратуры слишкомъ малою разработкою воспользовались и наши
старопечатныя книги. Правда, нѣкоторыя, но очень немногіе
(г. Владиміровъ) останавливаютъ на нихъ свое вниманіе,
между тѣмъ какую массу историко-литературнаго матеріала
представляетъ одинъ требникъ Петра Могилы. Стоитъ только
позаняться старопечатными книгами, чтобы извлечь изъ
нихъ массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Занимаясь этими
книгами, мы отмѣтили нѣсколько любопытныхъ памятниковъ,
изъ которыхъ одинъ приводимъ для образца въ настоящее
время. Въ служебникѣ 1646 года въ главѣ 44, на стр.
113—118 мы читаемъ. «Избраніе ѿ бжтвенныхъ писаніи ѿ
правилъ ѿ ѿ прочихъ ꙗко не подобаетъ бракъ составлати со
безчїніемъ и глѣмотвѣрствомъ ѿ всѣкими бжсовскими Ѹхищ-
рѣніи, здѣ вниманіи ѿ слоушаи всѣкъ ѿже соборнымъ аѣльскимъ
цркви снѣ ѿже в лаодикїи собѣра правило. ꙗко не подобаетъ

сщеникъ и клирикомъ нѣкихъ видѣнн позоровати на брацѣхъ и на вечерѣхъ но прѣже входа востати имъ и ѿсходити Иставаемн соуть хртіане аще на бракъ или на ина трапѣзѣ позвани бывше да идуть с кротостію и пласати ниже з боубны и съ сопѣлыми скомраховъ приводити не бо достѡинно єсть хртіанскаго строєніа сегѡ рѡди сщєнникѡмъ и всѣмъ причѣтникомъ никоегоже собѡра на брацѣхъ врѣти. Но прѣже дѣже невнидуть главы дѣющн и пласущн штудѣ ѿходатъ въ домн своа. Егдаже браки творнши не ѡбходн дѡмы, верцалъ и рнзъ все замъ мствющн, нѣсть бо на показаніе вѣщъ ниже на оукорнзнъ вводнши свою дщерь но веселѡщи дѡмъ, иже в не соущнми. Призовн сосѣдн и дрѣгн и срѡдннкн єлнкнхъ аще всн крѡткнхъ, сн призовн, и соущнми довлѣтнса накажн. Да нктоже ѿ пласовнцъ или ѿ коцѣвннцъ боудѣ. тако бѡ иждивєніе илншнее и безѡобразное дѣвнне. Призовн хрѣта прѣжде ннѣхъ всѣ.... в лѣпотѣ оубѡ не оугѡдно єсть, єже блѣднннннцн и пласавннцн и скомрѡха прнзыватн сіє єсть чюже хртіанства.... Егдаже оубѡ у ннхъ бракъ совершѣтсѡ и оугѡтѡвлено бѡваетъ хрѡмнна жєннхѡу с невѣстоу идѣже лѡжю бѣтн и постнлаютъ подѣ ннхъ класн рѣкше сноповѣ с зѣрнама и нст тѡхъ сноповѣ пекоутъ просєнрн и в црѣвѣ бжню въ прнношєніе прнвосятъ.... какъ прндѣ жєннхъ по невѣствѣ и свѡхн жєннхѡ с невѣстоу въ мѣствѣ за занѡвѣсомъ сажѡютъ и с невѣсты снѣмъ шапкѣ на жєннхѡ надѣвѡютъ и зъ жєннхѡ мѡжєскую шапкѣ на невѣствѣ и сщампн с ѡгнемъ волхвѡютъ кроугъ с чєтырєхъ стрѡнъ и трнждѡ ко главѣ прнтѡкѡютъ и в зѣркало смѡтрнтсѡ велѡтъ. Да ѡ того же жєннхѡ тѣ свѡхн грѣбнемъ гѡловѣ чєшѣтъ. Да ннѡмъ єсть врѡжѣи же затѣн, кругъ столѡ всѣмъ пѡєзѡмъ хѡдѡтъ. А какъ ѡкрѡтѡтъ невѣствѣ и покрѡютъ єѡ пєленѡю и оучѡтѣтъ хмєлємъ

осыпаетъ и какъ придетъ женихъ с невѣстою и с поѣздомъ въ домъ свои, такъ бабѣ поставятъ какать и ѡблечь на неѣшубѣ выворотѣ и она ѣко видимо кѣльшь стоитъ и стѣнетъ та баба всѣхъ людей хмѣлемъ ѡсыпаетъ и в то время всѣ шапки подставляють, да ѡ вѣнчаніи приходѣтъ женихъ съ невѣстою на поклѣтъ а не за столъ какъ во истинныхъ хрѣтианѣхъ ведѣтсѣ по хрѣтианскомѣ обычаю, а не по странномѣ сему дѣланію и тамъ принесутъ имъ коурицѣ жаренѣю а женихъ возметъ за ногѣ а невѣста за дръгоую, а оучитъ тѣноути ѣмъ рѡвно и приговаривають скѣрно ѣже нѣсть мѡчно и писанію вдати. тако врагъ наоучилъ дѣйствовати старыхъ колдѣишѣвъ, бабѣ и мѣжикѡвъ и женихъ съ невѣстою по ихъ оученію и поневоли такъ и творѣтъ и гди тои зѣло рѣгаютсѣ да ѣще и ни приносѣтъ тоуже на поклѣтъ каши и они кашю черпаю и за себѣ инѣе мечѡ все бѣсовское дѣйство дѣйствѣютъ да когда женихъ с невѣстою пребываетъ инѡ таково скѣрнѡ и заорнѡ велии зрѣти понеже странно не тожмо рещи но и помѣслити, носѣтъ тоу невѣстинѣ рѣбахѣ в неѣже съ женихомѣ пребываетъ ко оцѣ ѣмъ и къ матери и ко всеи роднѣ ѣмъ и кажѣтъ тоу рѣбахѣ. ѡ какѡвъ позорѣ и скѣрна мѣрзость творитсѣ в православныхъ хрѣтианѣхъ чаѣти и во иновѣрныхъ земляхъ такъ не содѣваетсѣ». Само собою ясно, что отъ такого отрывка не откажется ни историкъ Россіи, ни историкъ-русской литературы. Выборъ изъ старопечатныхъ книгъ такого рода литературныхъ отрывковъ составить большой матеріалъ для изслѣдованія.

Точно также очень мало обращается у насъ вниманія на изданіе мѣстныхъ легендъ и сказаній. Почти каждая мѣстность богата своими легендами. Нельзя сказать того, чтобы количество напечатанныхъ мѣстныхъ легендъ и сказаній было недо-

статочно. Объ нихъ можно сказать только, что эти сказанія не собраны въ одинъ сборникъ, что они разбросаны по разнымъ изданіямъ и больше всего по губернскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ, они находятся въ памятныхъ книжкахъ разныхъ городовъ, въ изданіяхъ статистическихъ комитетовъ. Этотъ-то матеріалъ всегда можетъ дать возможность произвести крайне интересное ученое изслѣдованіе. Въ подтвержденіе этой мысли я привожу одинъ образчикъ мѣстной легенды, которая своимъ содержаніемъ можетъ стать наряду съ тѣми знаменитыми балладами, изъ которыхъ брали содержаніе Шиллеръ и другіе нѣмецкіе балладники. Это сказаніе о зачатіи во градѣ Твери Отроча монастыря. У великаго князя Ярослава Ярославича Тверского былъ отрокъ именемъ Григорій, «ниже предъ нимъ всегда предстояше и бѣ ему любимъ зѣло и вѣренъ во всемъ». Великій князь посылалъ Григорія по своимъ селамъ, да собираетъ ему повелѣнная. Случилось отроку быть въ селѣ Едимоновѣ, случилось остановиться у церковнаго пономаря Аѳанасія, увидѣть его дочь Ксенію весьма красивую. Задумалъ онъ жениться на Ксеніи, но, боясь гнѣва князя, никому изъ друзей своихъ не сказалъ о своемъ намѣреніи, только наединѣ сказалъ отцу ея Аѳанасію, обѣщая ему во всемъ помогать. Аѳанасій удивился, не зная что отвѣчать, пошелъ и спросилъ жену и дочь. Последняя сказала ему: Отче мой! сотвори ему вся сія. Елико онъ тебѣ обѣщася, положи на волю его, Богу бо тако изволившу и сіе да будетъ! Дѣвица та была благочестива и кротка, смиренна и весела и разумъ имѣи великъ зѣло и хоуждася во всѣхъ заповѣдехъ Господнихъ и почиташе родители своя зѣло и повинуюся има во всемъ, отъ младыхъ ногтей Христа возлюби и послѣдуя Ему, слышаше бо святое писаніе

отъ отца своего и внимаше прилежно всѣмъ сердцемъ своимъ. Отрокъ же наипаче того уязвися любовію и прилежно о семъ повѣдаетъ отцу ея, да не устрашается: «азъ бо ти во всемъ имаюся и князя умолю во всемъ, ты же не бойся». И такъ они сговорились, чтобы бракъ совершенъ былъ въ томъ селѣ, чтобы вѣнчаться имъ въ церкви святого велико-мученика Дмитрія Селунскаго и жить тутъ, если великій князь поведить. Отроковица же послѣ сего рече отцу своему и матери: «Господіе мои! не давитесь о семъ, что вамъ обѣщанъ сей отрокъ, онъ бо тако совѣща, но Богъ свое строить: не сей бо мнѣ будетъ супругъ, но той его же Богъ мнѣ подастъ. Родители же ея о семъ весьма дивистася, что рече къ нимъ дочь ихъ». Выискавъ удобное время, отрокъ тотъ падаетъ къ ногамъ великаго князя, просить у него позволенія сочетаться законнымъ бракомъ, красу и возрастъ и разумъ дѣвицы оныя изъясняетъ. На эту просьбу князь отвѣтилъ: «Аще восхотѣлъ еси жениться, да поимеши себѣ жену отъ вельможъ богатыхъ, а не отъ простыхъ людей и небогатыхъ и худѣйшихъ и безотечественныхъ, да не будеши въ поношеніи и униженіи отъ своихъ родителей и отъ бояръ и друговъ и отъ всѣхъ ненавидимъ будеши и отъ мене удаленъ стыда ради моего». Но отрокъ часто и прилежно молилъ своего князя, который наконецъ соглашается и велитъ ему насадъ приготовить и все необходимое для исполненія его желанія и людей для послуженія отроку. Когда же приближается время обрученія и вѣнчанія его, отпускаетъ его въ насадѣ по Волгѣ рѣкѣ, потому что село то на Волгѣ стоитъ, а коней обѣщаетъ ему вскорости прислать по берегу. Отрокъ поклонился князю и пошелъ въ насадѣ по Волгѣ рѣкѣ со всѣми посланными съ нимъ. На утро великій

князь велѣлъ готовить коней себѣ и своему синкляту, чтобы съ соколами и псами устроить охоту. Въ ту ночь князь видѣлъ во снѣ, что онъ былъ на охотѣ, пустилъ своего любимаго сокола на стадо птицъ, что разогналъ стадо птицъ, поймалъ красивую голубку и принесъ ему въ нѣдра. Проснувшись, князь думалъ о томъ, что означаетъ сонъ, и никому не рассказалъ его. Князь велѣлъ взять на ловъ всѣхъ птицъ, и пошелъ съ охотниками въ ту сторону, гдѣ былъ отрокъ. Великій князь былъ холостъ и молодъ, имѣлъ только двадцать лѣтъ. Отрокъ же, ѣхавшій въ насадѣ, присталъ къ берегу, ожидая коней и пославъ вѣстниковъ къ дѣвицѣ, чтобы все было готово по обычаю брачному. А дѣвица отвѣтила посланнымъ: «возвѣстите отроку даже помедлѣть тамъ дондеже сама вѣсть пришло къ нему, какъ вся изготована будутъ, понеже бо намъ отъ него о приходѣ его вѣсти не было». А дѣвица провидѣла приходъ великаго князя къ себѣ и сказала родителямъ: «яко уже свать мой пріѣхалъ, а женихъ мой не бывалъ еще, но уже будетъ, онъ замедлилъ, потому что въ полѣ тѣшится, подождемъ его немного время, пока онъ пріѣдетъ къ намъ». Но объ имени новаго гостя она никому изъ сродниковъ своихъ не повѣдала, но готовила ему честные дары, которые сама приготавливала. Дивились словамъ ея сродники. Великій князь не зналъ того села и хотѣлъ быть въ немъ на утро или на другой день, чтобы видѣть своего отрока оженившимся. Ночевалъ онъ на ловѣ, потому что село то отстоитъ отъ Твери на четырнадцать поприщъ. Ночью князь видѣлъ прежній сонъ и снова надъ нимъ задумался. Утромъ онъ продолжалъ заниматься охотой. Отрокъ же, не дождавшись коней и опасаясь, что князь можетъ воротить его назадъ, пошелъ

въ тотъ дворъ, гдѣ была дѣвица. Сѣли они вмѣстѣ на мѣсто свое, такъ какъ скоро должно было наступить время ихъ вѣнчанія. Отрокъ требовалъ, чтобы скорѣе все устраивали и разносили дары, а дѣвица сказала отроку: «не вѣли спѣшить ничѣмъ, да еще у меня будетъ гость незваной, но лучше всѣхъ и званыхъ гостей». Великій же князь въ то время былъ близъ села того, увидѣлъ стадо лебедей на Волгѣ рѣкѣ, пустилъ на нихъ любимаго своего сокола и поймалъ много лебедей. А между тѣмъ соколъ великаго князя заигрался, полетѣлъ на село то. Великій князь, погнавшись за соколомъ, быстро пріѣхалъ въ село. Соколъ сѣлъ на церкви великомученика Дмитрія Селунскаго. Оказалось, что село это принадлежитъ ему, великому князю. Въ это время множество народа собралось смотрѣть, такъ какъ уже хотѣли итти къ вѣнчанію. Князь велѣлъ сокола своего манить, но соколъ не слушался, оправлялся и чистился. Князь пошелъ на дворъ, гдѣ былъ отрокъ, въ дорожномъ платьѣ, такъ что его никто не встрѣтилъ. Только дѣвица сказала сидящимъ: «возстаните вси и изыдите въ срѣтеніе своего великаго князя, а моего жениха». Всѣ дивились, а между тѣмъ князь дѣйствительно вошелъ. Всѣ встали, но князь велѣлъ имъ сѣсть, чтобы видѣть жениха и невѣсту. Дѣвица же въ это время сказала отроку: «изыди ты отъ мене и даждь мѣсто князю своему, онъ бо тебя больше и женихъ мой, а ты былъ свать мой». Великій же князь, увидѣвъ дѣвицу до того прекрасную, что какъ бы лучи исходили отъ ея лица, сказалъ отроку своему Григорію: «изыди ты отсюда и изыщи ты себѣ иную невѣсту идѣже хоцеша, а сія невѣста бысть мнѣ угодна, а не тебѣ». Вышелъ изъ своего мѣста отрокъ. Князь взялъ дѣвицу за руку и пошли они въ

церковь великомученика Дмитрія Селунскаго, устроили обрученіе и цѣлованіе, а потомъ и вѣнчались въ тотъ день. Когда послѣ вѣнчанія шелъ князь изъ церкви, то соколъ, сидя на церкви, началъ трепетаться, весело поглядывая на князя. Князь спросилъ сокольниковъ: «слетѣлъ ли къ вамъ соколъ или нѣтъ». Они отвѣтили: «не летитъ съ церкви». Князь взглянулъ на сокола и кликнулъ его. Соколъ скоро прилетѣлъ къ великому князю, сѣлъ на правой его рукѣ, поглядывая на князя и княгиню. Князь отдалъ сокола своему сокольнику. А между тѣмъ отрокъ одержимъ былъ кручиною, ни пилъ ни ѣлъ. Князь утѣшалъ его, рассказывалъ ему сны свои, которые такимъ образомъ сбылись. Ночью отрокъ снялъ съ себя пожалованное княземъ платье, купилъ себѣ платье крестьянское, потихоньку вышелъ изъ села. Утромъ потребовалъ къ себѣ отрока князь и, узнавъ о случившихся, велѣлъ искать его всюду по рѣкѣ и по колодцамъ, боясь чтобы онъ не предалъ себя безвременной смерти. Князь печалится, называя себя виновнымъ въ смерти отрока. Княгиня же начала успокаивать князя: «Богу такъ угодно изволившу быть мнѣ съ тобою в совокупленіи, аще бы не божиимъ повелѣніемъ, како бы было мощно тебѣ, великому князю, къ нашей нищетѣ пріѣхати и поати мя за себя. Ты же не печалься о семъ, но иди съ миромъ во градъ свой и меня помни съ собою, ничего не бойся». Отпустилъ князь свою княгиню въ насадѣ и бояръ своихъ, которые были съ отрокомъ, въ Тверь и наказалъ боярамъ, чтобы берегли великую княгиню, кланялись ей и слушали ее во всемъ. Самъ же великій князь по прежнему поѣхалъ берегомъ, дѣюще мѣста свои и ловы, и прибылъ въ Тверь прежде княгини. Когда же прибыла великая княгиня его Ксенія

къ городу Твери, то великій князь велѣлъ боярамъ своимъ, боярынямъ и своимъ дворовымъ и всему городу, чтобы вышли на встрѣчу великой княгини. Весь городъ, мужи и жены и младенцы отъ мала до велика съ дарами встрѣтили ее на берегу у церкви Архангела Михаила. Всѣ смотря на красоту княгини дивились ей. И было у великаго князя пированіе на многи дни всякому чину отъ мала до велика. Долго объ отрокахъ не было никакого слуха. Отрокъ пришелъ на рѣку Тверцу, на мѣсто отъ города Твери на пятьдесятъ поприщъ, поселился въ лѣсу, устроилъ себѣ хижину и часовню. Увидали его близъ живущіе люди, которые спрашивали его: кто тебѣ велѣлъ вселиться въ нашемъ мѣстѣ. Отроку во снѣ является Богородица. Пришли въ тотъ лѣсъ княжіе люди звѣрей ради. Княжіе люди узнали отрока, который уже три года скрывался въ лѣсу, взяли его съ собою и привели къ князю. Князь приказалъ ввести отрока въ верхнія палаты, облобызалъ его и предложилъ ему оставаться въ прежнемъ его чинѣ. Но отрокъ просилъ только расчистить занятое имъ мѣсто въ лѣсу. Князь скорѣ велѣлъ собрать крестьянъ и иныхъ людей, чтобы расчистили то мѣсто, которое покажетъ отрокъ. По времени и самъ князь пришелъ на то мѣсто, устроилъ храмъ, при освященіи его присутствовалъ съ княгинею. «И назвася мѣсто отъ великаго князя Ярослава Ярославича Отрочъ монастырь». На другой день послѣ освященія церкви отрокъ Григорій постригся въ иноческій чинъ подъ именемъ Гурія.¹ Это сказаніе очень важно, представляя намъ новый варіантъ разсказа о мудрой дѣвѣ, какъ варіантъ къ разсказамъ о томъ, какъ князь женится

¹ Тверскія Губернскія Вѣдомости 1865 года, № 36.

на дѣвущикѣ изъ низкаго класса, какъ вариантъ для сказаній о томъ, какъ охотникъ гонится за птицей или звѣремъ и находить нѣчто необыкновенное, наконецъ какъ вариантъ къ сказаніямъ объ отрокахъ, у котораго отнимаютъ невѣсту и который послѣ этого уже не можетъ оставаться въ мірѣ, жить съ людьми. Вариантъ для послѣдняго мотива мы имѣемъ еще въ житіи Гурія Казанскаго, бѣднаго боярина, который нравился госпожѣ богатаго боярина, отъ преслѣдованій котораго Гурій уходитъ въ монастырь. Изъ приведеннаго нами примѣра ясно, что изслѣдованіе мѣстной литературы разныхъ областей нашей Руси могло бы доставить немаловажную и даже очень цѣнную работу для нашихъ ученыхъ. А между тѣмъ большинство нашихъ ученыхъ все стремится производить изслѣдованія въ области болѣе далекой, въ области исторіи церкви, къ изученію, которой не имѣетъ и надлежащей подготовки, какъ спеціальной. Результаты послѣдняго рода изслѣдованій слишкомъ малы, если не сказать маловажны.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что неисчерпаемый источникъ для ученыхъ работъ представляетъ наша народная поэзія. Руская народная поэзія составляетъ гордость и украшеніе нашей литературы. Если искусственною литературой мы присоединились къ общему европейскому теченію въ XVIII вѣкѣ, то народною поэзіей мы съ древнѣйшихъ временъ соединены со всѣмъ индо-европейскимъ племенемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нашей обрядовой поэзіей мы многое внесемъ для объясненія ранней ступени развитія племени. Нашъ богатырскій эпосъ, подобно Испанскому, эпосъ защиты Европы отъ вторженія въ нее Востока Азіи, какъ Испанскій—вторженія Африки. Въ этомъ сходствѣ

мы можемъ искать объясненія и того, что уже давно наши ученые сравнивали Сиду съ Ильею Муромцемъ. При такомъ высокомъ значеніи русской народной повзій, на насъ, изслѣдователей, лежитъ серьезная обязанность всесторонняго ея изученія, приложенія разнообразныхъ методовъ къ ея изученію. До сихъ поръ изслѣдователи памятниковъ народнаго творчества ограничивались почти исключительно разработкою на основаніи содержанія памятниковъ, объясняли историческими данными или сравненіемъ съ памятниками другихъ народовъ. Всѣ наши ученые діаскевасты соединяли или сопоставляли одну былину съ другой на основаніи ихъ содержанія. Но объясненіе былинъ только на основаніи содержанія, на основаніи историческихъ взглядовъ—недостаточно. Всѣ наши ученые пришли повидимому къ несомнѣнному выводу, что у насъ существуетъ циклъ богатирей князя Владиміра. Но такъ какъ циклъ представляетъ князя Владиміра единственнымъ, собирателемъ Русской земли, то нѣкоторые ученые относятъ этотъ циклъ ко времени московскихъ князей—собирателей Руси. Конечно, и на основаніи содержанія можно говорить, что былинный Владиміръ ласковый, съ каковымъ эпитетомъ не являлись московскіе князья собиратели; но если мы помимо исторіи обратимся къ поэтической критикѣ, то она представитъ намъ слѣдующія объясненія. Или былинный Владиміръ такъ создавался на основаніи исторической дѣйствительности, или онъ—идеаль будущаго для народа, въ немъ народъ воплотилъ свои желанія единства власти въ Русской землѣ, когда во время набѣговъ половцевъ и удѣльной системы тяжело было народу. Эти желанія какъ стонъ вырываются у автора XII вѣка,—автора Слова о полку Игоревѣ. Такимъ образомъ мы обязательно должны произвести поэтическую или литературную критику надъ

памятниками народного творчества, какая производится надъ всякими литературными памятниками. Указаніями на потребности критики литературной при разработкѣ памятниковъ народного творчества полезно введеніе къ сборнику Гильфердинга. Но эти указанія какъ то игнорируются нашими изслѣдователями народной поэзіи. Я не знаю до сихъ поръ ни одного молодого ученаго, который поставилъ бы въ основу своего изслѣдованія эти наблюденія. Изслѣдованіе въ этомъ направленіи привело бы къ очень большимъ результатамъ. Всѣмъ извѣстно, что мы имѣемъ очень большое изслѣдованіе объ Ильѣ Муромцѣ. Изслѣдованіе это основано на народныхъ былинахъ. Обыкновенно когда мы пишемъ какую-нибудь ученую работу, то мы производимъ критику тѣхъ источниковъ, на которыхъ мы ее основываемъ. А въ обширномъ изслѣдованіи объ Ильѣ Муромцѣ только этого и недостаетъ. А если не произведена критика надъ памятниками, на которыхъ основана работа, можемъ ли мы успокоиться и вѣрить ея выводамъ? А въ такомъ же положеніи находится и большая часть изслѣдованій у насъ по народной поэзіи. Не спасетъ изслѣдователей отъ непрочности ихъ выводовъ и то, если они будутъ задаваться обслѣдованіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, напр., объ одномъ богатырѣ, объ одномъ подвигѣ героя, потому что все равно почва остается зыбкая. И такъ для изслѣдователя одного содержанія мало, а нужна и критика текста былинъ. Представимъ себѣ, что Иліада до сихъ поръ не была записана, и вздумаемъ произвести изслѣдованіе кантилены: Прощанье Гектора съ Андромахой. Можно ли эту картину нравовъ, эту бытовую картину семейныхъ отношеній отнести къ нашему настоящему времени?—можно; можно ли перенести эту картину нравовъ въ XVIII и XVII

вѣкъ?—можно; къ среднимъ вѣкамъ?—можно. Если же мы имѣемъ эту кантилену записанною во времена Солона, то это представить дѣло уже совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи. По всей вѣроятности мы никогда не отыщемъ памятниковъ нашего народнаго творчества, записанныхъ раньше XVII вѣка. Какъ извѣстно, въ настоящее время стараются отыскивать и обнаруживать записи памятниковъ народнаго творчества, сохранившихся въ рукописяхъ XVII вѣка, потому что и столѣтіемъ раньше записанная былина, пѣсня или дума всегда дастъ новый матеріалъ для соображеній изслѣдователя. А потому намъ болѣе другихъ народовъ, у которыхъ сохранились записи народныхъ произведеній отъ раннихъ столѣтій, придется работать надъ очисткой текста былинь, пѣсенъ и думъ. Тѣ памятники народнаго творчества, которые заимствовали свое содержаніе изъ литературы, конечно, могутъ быть объяснены изъ послѣдней. За такую работу у насъ берутся довольно охотно. Но этимъ методомъ работы можно объяснить далеко не всѣ памятники народнаго творчества. И такъ, кромѣ эстетической, художественной критики, слѣдуетъ приниматься за критику текста былинь. Третье, на что слѣдуетъ обратить вниманіе при разработкѣ памятниковъ народнаго творчества—это напѣвъ и стихъ, какъ рекомендовалъ это покойный профессоръ Потебня. Еще извѣстный собиратель Рыбниковъ обратилъ вниманіе на напѣвъ былинь. Онъ замѣтилъ, что одинъ и тотъ же быстрый голосъ 'весель въ Ставрѣ, въ Пѣтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Волгѣ и Миклушкѣ выходитъ торжественнымъ. Протяжный напѣвъ звучитъ мужественно въ двухъ королевичахъ изъ Кракова и въ Ильѣ Муромцѣ, и дѣлается грознымъ въ Ильѣ и Поляницѣ¹.

¹ Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ. Томъ III, стр. XXXVII.

Еще болѣе обратилъ вниманіе на напѣвы былинь Гильфердингъ, который говоритъ: «Рыбниковъ разумѣеть собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа—размѣръ стиха. Въ Ставрѣ хорей съ дактилемъ, въ Пѣтыкѣ чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулушкѣ—анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ весь нашъ народный эпосъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ его произведеній. Преобладающій размѣръ, который я назову обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ¹. Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать игривымъ, которымъ сложены былины менѣе серьезныя по своему содержанію, какъ Соловей Будимировичъ, Чурила Пленковичъ². Третій размѣръ анапестическій (со стихомъ медленнымъ и грузнымъ) соответствуетъ тому, что Рыбниковъ называетъ торжественнымъ напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно въ Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно былина и о дѣтствѣ Ильи Муромца³. Такимъ образомъ на основаніи напѣва предлагается группировка былинь по времени ихъ происхожденія или появленія. Что напѣвъ тѣсно связанъ съ текстомъ пѣсни, это наглядно видно изъ того, что нѣкоторые пѣвцы безъ пѣнія не могутъ передать былинь. Этотъ вопросъ о сортировкѣ былинь по времени на основаніи напѣвовъ, поставленный такимъ знатокомъ, какъ Гильфердингъ, имѣетъ важное значеніе и ожидаетъ изслѣдователя. Нельзя не отмѣтить, какъ рѣзко анапестическій размѣръ или торжественный напѣвъ выдѣляетъ былины о Вольгѣ, Микулѣ, Колыванѣ и дѣтствѣ Ильи

¹ Гильфердингъ: Онежскія былины, стр. XXXIII.

² Ib., стр. XXXVIII.

³ Ib., стр. XI.

Муромца въ одну раннюю группу. Къ сожалѣнію, наши народныя пѣсни, равно какъ и былины, записаны безъ голоса. Правда, мы имѣемъ очень немногія записи Балакирева, Рубца, Мельгунова, Лысенко, Пальчикова, но и эти немногія записи представляютъ только пѣсни. Для былинъ мы имѣемъ только краткія ноты изъ сборника Кириши Данилова. Мы не имѣемъ такихъ записей, которыя есть у чеховъ въ лицѣ Сушилы и Ербена, а у поляковъ—Кольберга. Наши записи напѣвовъ народной поэзіи слишкомъ недостаточны, чтобы мы на основаніи ихъ могли произвести какія-либо изслѣдованія. Но если въ настоящее время по недостатку матеріала мы не можемъ приняться за распредѣленіе пѣсенъ по напѣвамъ, то мы должны стремиться къ этому, должны ставить на видъ собирателямъ устной народной поэзіи, чтобы они собирали ихъ съ напѣвами. Покойный профессоръ Потебня предлагалъ положить въ основу распредѣленія пѣсенъ не содержаніе ихъ, каковы обрядовыя, былевыя, бытовыя, а формальное основаніе дѣленія, то, на чемъ они держатся въ памяти пѣвцовъ, именно напѣвы. Пѣсня, говоритъ онъ, слагается по образцу прежней, т.-е. между прочимъ примыкаетъ къ ней своимъ напѣвомъ и стихотворнымъ размѣромъ. Это наиболѣе общія основанія генетическаго распредѣленія. Установленіе генеалогіи напѣвовъ должно бы итти объ руку съ изслѣдованіемъ генетическихъ отношеній размѣровъ¹. Указывая на важное значеніе изученія внѣшней стороны памятниковъ народнаго творчества, Потебня говоритъ, что болѣе трудное примѣненіе основанія дѣленія пѣсенъ есть сходство или сродство поэтическаго, т.-е. все-таки

¹ Потебня: Разборъ пѣсенъ, собранныхъ Головацкимъ, стр. 42.

не того, что говорить пѣсня, а того, какъ она говоритъ, и что ближайшая задача пока только классифицировать однородные образы. Потебня полагалъ, что теперь, пока напѣвы не собраны, можно работать надъ стихотворнымъ размѣромъ. Онъ произвелъ подобный опытъ надъ южно-русскими памятниками народнаго творчества. Правда, онъ не производилъ такого обследованія надъ былинами и великорусскими пѣснями, что гораздо затруднительнѣе, но въ своемъ вопросѣ онъ пришелъ къ тому, что размѣръ колядокъ всегда одинаковъ, что онъ сходенъ съ размѣромъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ и что онъ очень древенъ, а между тѣмъ напѣвъ этотъ еще до сихъ поръ не издавъ, что веснянки имѣютъ нѣсколько размѣровъ, но одинъ изъ нихъ примыкаетъ къ размѣру колядокъ, что свадебныя пѣсни въ формальномъ и генетическомъ отношеніи не составляютъ одного типа, что размѣровъ у нихъ нѣсколько. Потебня указалъ на одинъ размѣръ, который документально относится къ третьей четверти XVI вѣка и находится у поляковъ и словаковъ. Потебня прослѣдилъ этимъ размѣромъ пока раннія пѣсни о сиротѣ, на которой женится король, но которую загубила проклятая баба, какъ и у Пушкина въ сказкѣ о царѣ Салтанѣ, далѣе пѣсню о лютой свекрови, нелюбимая невѣстка которой превращается тополью, которую сынъ ея долженъ рубить; пѣсню, какъ мать встрѣчаетъ сына медомъ, а нелюбимую невѣстку—ядомъ; пѣсню о томъ, какъ и за гробомъ неразлучны любовники; пѣсню о разлукѣ вслѣдствіе людской злобы; пѣсню о неудачномъ бѣгствѣ любовниковъ; пѣсню о томъ, какъ дѣвица, преслѣдуемая мачихой, тонетъ въ Дунай. Потебня указалъ такимъ образомъ, что сходное содержаніе пѣсенъ отвѣчаетъ и одинаковому размѣру. Мы не настаиваемъ

на томъ, что одно обследованіе размѣра или напѣва рѣшить удовлетворительно вопросы обследованія нашей народной поэзіи. Конечно, къ этому нужно прибавить и классификацію поэтическихъ образовъ и сортировку общихъ мѣстъ, и вообще всю литературную критику текста. Пора намъ приняться за разработку формальной стороны памятниковъ нашего народного творчества, пора приняться за литературное изученіе текста былинъ, не оставляя, конечно, ни историческаго, ни сравнительнаго изученія ихъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, тѣ главныя задачи, на которыя должно быть обращено вниманіе ученаго, который хочетъ заниматься изслѣдованіемъ памятниковъ нашей древней письменности и народной поэзіи.

255773 1948